

гнета своих панов, и закабалили переселенцев в своих новых слободах и поселках.

Во время их возникновения характерная двухкомпонентная форма таких географических названий была обусловлена стремлением владельцев крепостных слобод и поселков к точному размежеванию своих имений от поместий многочисленных родственников. В историческом исследовании двух-

компонентные топонимы типа Анно-Ребриковское могут служить ономастическим признаком донских помещичьих владений, отличавшим их от казачьих хуторов типа Апряткин, Арешкин, Рогачев, названных по фамилиям основателей — казаков-хлеборобов и распространенных главным образом в северной части Подонья.

Ростовский-на-Дону
завод-звук

Поступила
19 февраля 1975 г.

723/2977 // Известия Северо-Кавказского научного
центра Высшей Школы. Сер. общ. наук. - 1975. - № 4. - с. 76-80

Н. А. Горбанев

«СУДЬБЫ РУССКОЙ КРИТИКИ»

Г. В. ПЛЕХАНОВА И СПОР О НАСЛЕДСТВЕ В ПУБЛИЦИСТИКЕ 90-х ГОДОВ

Во второй половине 90-х гг. Г. В. Плеханов выступил на страницах легального марксистского журнала «Новое слово» с циклом статей, посвященных защите философско-эстетического наследия Белинского и Чернышевского. Статьи эти, уже привлекавшие внимание исследователей своим теоретическим содержанием, почти не изучались в связи с общественно-литературной борьбой эпохи. Рассмотрение их в этом аспекте позволяет установить тесную зависимость между поднятыми в них теоретическими проблемами и теми злободневными вопросами, которые остро стояли в борьбе русских марксистов с народниками, с «субъективной школой» в социологии.

Десятью годами были временем наибольшего обострения исторического спора между русскими марксистами и народниками. На одно из первых мест в полемике выдвинулся в этот период вопрос об отношении к идейному наследию прошлого.

В 1897 г. В. И. Ленин писал, характеризуя ход борьбы между «русскими учениками» Маркса и народниками: «Чем дальше развивали свои воззрения в русской литературе «ученики», чем подробнее и обстоятельнее высказывались они по целому ряду теоретических, и практических вопросов, — тем реже можно было встретить во враждебной прессе возражение по существу против основных пунктов нового направления... Эти основные пункты замалчивались, о них предпочитали и предпочитают не говорить, но зато тем больше сочинялось выдумок, долженствующих дискредитировать новое направление»¹. К числу таких выдумок В. И. Ленин относил легенду об отказе «русских учеников» от идейного наследия предшествующих периодов развития демократической мысли.

Уже в 1894 г. В. П. Воронцов — «реакционных теорий мастер», по определению Плеханова, — писал о «буржуазности» русских марксистов, которые якобы обрывают «старую демократическую линию как общественный фактор»². Б. Б. Глинский год спустя заявлял, будто марксисты «изгоняют из на-

шей жизни светлые социальные перспективы, созданные усилиями целого поколения 1860-х годов»³. На подобной же позиции стоял и Н. К. Михайловский, писавший по адресу русских марксистов: «Эти люди не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства»⁴.

В этих условиях русским марксистам «пришлось выяснять, «от какого наследства мы отказываемся» и «какое наследство мы принимаем»⁵, — вспоминал позднее М. С. Ольминский, имея в виду прежде всего знаменитую работу В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?» (1898), в которой давалось глубокое марксистское решение проблемы наследства.

Вопросы того же порядка поставлены и во многих работах Плеханова 90-х гг. Важно учесть при этом, что, рассматривая вопрос о наследстве, Плеханов затрагивал такие его стороны, которые почти не получили освещения в тогдашней марксистской литературе. В. И. Ленин, оглашая в работе «От какого наследства мы отказываемся?» круг проблем, подлежащих исследованию, писал: «Оговариваемся, что мы ограничиваемся исключительно вопросами экономическими и публицистическими, рассматривая из всего «наследства» только эти вопросы и оставляя в стороне вопросы философские, литературные, эстетические и т. п.»⁶. У Плеханова внимание сосредоточено в основном на этих последних вопросах.

«Мы отрекаемся не от 60-х и не от 70-х гг., а от г. Михайловского»⁷, — такова общая позиция Плеханова по вопросу об отношении русских марксистов к философскому и эстетическому наследию прошлого.

На обвинения, выдвинутые в статьях Глинского и Михайловского, Плеханов откликнулся в работах «Несколько слов в защиту экономического материализма» (1896) и «Об экономическом факторе» (1897). Проводя здесь водораздел между идеями «Современника» и идеями субъективной школы Михайловского и Лаврова, он подчеркивал, что после 60-х гг. осталось наследство различного рода. «Шестидесятью годами завещаны нам идеи «Современника». К э т и м идеям мы гораздо ближе, чем гг. субъективисты. Но те же шестидесять годы за-

¹ «Исторический вестник», 1895, № 12, с. 960.

² Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. 8. Спб. 1914, с. 687.

³ М. Ольминский. Статьи о Салтыкове-Щедрине. М., 1959, с. 59.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 508.

⁵ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. 4. М., 1937, с. 186.

вещали нам г. Михайловского и некоторых других субъективистов. От э т о г о наследства мы отмахиваемся обеими руками»⁸.

В борьбе с теми, кто обвинял русских марксистов в отказе от демократических традиций 40—60-х гг., и с теми, кто нападал на эти традиции, Плеханов создает серию статей «Судьбы русской критики», опубликованных в апреле—декабре 1897 г. на страницах легального марксистского журнала «Новое слово». Он выступил в них против антидемократической критики, фронт которой все ширится в 90-е гг., начинаясь либеральными народниками вроде Скабичевского и кончаясь воинствующим декадентом Вольтским. В статьях-рецензиях на «Историю новейшей русской литературы» А. М. Скабичевского и на книгу А. Л. Вольтского «Русские критики» Плеханов критиковал их авторов за то, что они в угоду позитивизму и неогегелянству приписывали значение русской философской и эстетической мысли 40—60-х гг., искажали идеи критической школы Белинского и Чернышевского. Защищая эти идеи и давая им научную, марксистскую оценку, Плеханов одновременно решал в своих статьях и вопросы о том, «от какого наследства мы отказываемся» и «какое наследство мы принимаем».

В серии «Судьбы русской критики» вошли две статьи Плеханова о Белинском. Одна из них посвящена анализу философских, другая — эстетических взглядов критика.

Разбирая философско-эстетические взгляды Белинского, Плеханов останавливался на таких вопросах и проблемах, поставленных критиком в 40-е гг., которые имели прямое отношение к общественно-литературной борьбе 90-х гг. В философском плане это была проблема соотношения субъективного идеала и объективного процесса жизни, в эстетическом — вопрос об объективных основах художественного творчества и литературной критики.

В статье «Белинский и разумная действительность» он рассмотрел эволюцию философских взглядов Белинского, подробно остановившись на «примирительном» периоде его бурных умственных исканий. Этот период получил особенно искаженное толкование и неверную оценку в литературе 70—90-х гг., в частности в работах Вольтского и Михайловского.

Вольтский вообще считал Белинского неспособным к философскому мышлению и видел причину его примирения в ошибочном понимании знаменитого положения Гегеля: что действительно, то разумно.⁹ Михайловский сокрушенно пожимал плечами по поводу метафизических злоключений Белинского, которые-де только сбивали критика с толку, и расценивал взгляды Белинского в период примирения как навеянный Гегелем «философский вздор»¹⁰. При всем различии между Вольтским и Михайловским оба они, отмечал Плеханов, были «твердо убеждены в том, что примирительные взгляды Белинского представляют собою одну сплошную ошибку»¹¹.

В противоположность этой ходячей легенде Плеханов выдвинул и обосновал свою точку зрения на пережитую Белинским драму «примирения с дей-

ствительностью». В эту пору своих философских исканий Белинский, по мнению Плеханова, проявил себя не только как гениальный критик, но и как «одна из высших философских организаций» (слова Е. Одоевского, цитируемые Плехановым).

Взгляды Белинского этого периода — выражение неудовлетворенности критика тем революционно-бунтарским, но во многом отвлеченным, оторванным от реальных процессов общественного развития отрицанием действительности, которое характерно для него в предшествующий период. В философии истории Гегеля Белинский увидел теорию, которая отвечала его стремлению освободиться от «ига абстрактного идеала», найти в самой действительности объективную опору для своей деятельности. Правда, писал Плеханов, увлеченный могучей объективной логикой философско-исторической концепции Гегеля Белинский не сразу заметил противоречие между идеями развития Гегеля и его системой и на некоторое время пришел к примирению с крепостнической действительностью. Но когда Белинский заметил его, а это, отмечал Плеханов, случилось очень скоро, он возвратился к прежней идее революционного отрицания действительности. Но это было уже, подчеркивал Плеханов, не абстрактное отрицание середины 30-х гг. Теперь Белинский стремится опереться в своем отрицании действительности на ход ее собственного развития, ищет в ней самой объективные начала, гарантирующие осуществление его идеала. И хотя эта задача до конца Белинским решена не была (объективные начала для этого почти отсутствовали в русской жизни 40-х гг.), его великая заслуга заключается в самой постановке ее.

Раскрыв таким образом взгляд Белинского на отношение субъективных стремлений людей к объективному ходу развития общественных отношений, Плеханов тем самым показал, что общее направление философских исканий Белинского вело его не к позитивизму О. Конта и Литтре, как это полагал Лыпин¹², а к диалектическому материализму: «Историческое развитие увлекшей его философской мысли направлялось как раз в эту сторону»¹³. «Белинский — предшественник русского марксизма»¹⁴, — в такой лаконичной формуле выразил Плеханов свой взгляд на место критика в истории русской общественной мысли, место, которое по праву дает Белинскому его «отрицание абстрактного, утопического идеала, стремление развить идею отрицания, опираясь на закономерное развитие «самой общественной жизни»¹⁵.

Что касается народников, то они пошли по пути, прямо противоположному тому, какой был завещан Белинским. На место логики внутреннего развития общества они ставили свои субъективные пожелания. Между их утопическими идеалами и действительностью лежала пропасть. Из этого Плеханов сделал вывод, что «Белинский уже в конце тридцатых годов был ближе к научному пониманию общественных явлений, чем наши нынешние сторонники старых устоев»¹⁶, и что «взгляд Белинского не имеет

¹² А. Н. Лыпин. Белинский. Его жизнь и переписка. Спб., 1876, с. 336.

¹³ Г. В. Плеханов. Соч., т. 10, с. 240.

¹⁴ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. 4, с. 135.

¹⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. 10, с. 349.

¹⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. 10, с. 235.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 507—508.

² «Неделя», 1894, № 48, с. 1545.

⁸ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. 4, с. 156.

⁹ А. Л. Вольтский. Русские критики. Спб., 1896, с. 6, 13.

¹⁰ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. 3, с. 670, 674.

¹¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. 10. М.—Л., 1925, с. 204.

ничего общего с «субъективной социологией»¹⁷.

Помимо Вольнского и Михайловского в поле зрения плехановской критики попали и народник Мякотин, утверждавший, что «по взгляду Белинского, историю делают личности, а не массы», и ставивший знак равенства между взглядами Белинского и взглядами субъективной школы на роль личности в истории¹⁸, и литературовед Венгеров, писавший в народническом «Русском богатстве», что Белинский, обладая «великим сердцем», как мыслитель всего лишь «отражал» Станкевича, Боткина, Бакунина, Грановского и Герцена¹⁹, и историк литературы Пыпин, стремившийся представить социализм Белинского совершенно безобидным. Плеханов дал отпор всем этим попыткам исказить воззрения Белинского и «стереть яркие краски с образа нашего великого писателя»²⁰.

В тесной связи с историей философских воззрений Белинского Плеханов рассматривал эволюцию его эстетических взглядов. В статье «Литературные взгляды В. Г. Белинского» и речи 1898 г., говоря об этих последних, Плеханов обратил главное внимание на стремление Белинского «освободить критические приговоры и суждения от личных вкусов и симпатий критика и поставить их на объективную, научную почву»²¹.

В народнической литературе о Белинском преобладало мнение, что его критика была якобы бездоказательной и основывалась не на эстетической теории, а на эстетическом и нравственном чувстве. Скабичевский, например, указывал как на самое слабое место критики Белинского «на отсутствие систематической и последовательной теоретической подкладки под его литературные симпатии и антипатии»²². В своей «Истории литературы» он утверждал, что принцип «искусства для жизни» не был обоснован Белинским теоретически и «словно висел в воздухе»²³.

Пафос статей Плеханова заключается как раз в утверждении того, что Белинский, не довольствуясь в своих литературных суждениях безотчетными мнениями, опирающимися на «случайные убеждения случайной личности», стремился найти для них объективное философско-эстетическое основание. Литературные вкусы, симпатии и антипатии Белинского не оставались неизменными (это Плеханов показал на примере отношения Белинского к комедии Грибоедова, Шиллеру и Жорж Санд); некоторые эстетические законы интерпретировались им в разное время по-разному; менялись его взгляды на роль искусства в общественной жизни и т. д. — словом, эстетическая мысль Белинского, развиваясь вместе с философской и социально-политической, отражала каждый раз их изменения, — но Белин-

ский, по замечанию Плеханова, всегда «очень прегрительно относился к субъективному методу, как сказали бы у нас теперь, в литературной критике и твердо верил в возможности найти для нее объективную основу»²⁴. В этом стремлении Белинского опереться в своих суждениях на известные объективные начала Плеханов видел важную черту, сближающую взгляды Белинского с взглядами сторонников диалектического материализма и отличающую его критический метод от «субъективного метода» в литературной критике.

Особенно ярко эта черта проявилась в критических суждениях Белинского последнего периода его деятельности, в частности в статьях о Пушкине. То, что Белинский рассматривал великого поэта как представителя лучшей, образованнейшей части дворянства, Плеханов считал «зачатком научной критики, опирающейся на материалистическое понимание истории»²⁵. (Здесь необходима оговорка: правильно отмечая научно-материалистический характер литературной критики зрелого Белинского, Плеханов без достаточных оснований, исходя из нескольких упрощенных представлений о сущности исторического материализма, связывает элементы социологического подхода к искусству у критика с «материалистическим пониманием истории»). А «такая критика, — замечает Плеханов, — совсем уже не имеет ничего общего с «субъективной» критикой наших дней»²⁶. Вместе с тем «это целый переворот, что как раз то, что рекомендуют нынешним критикам экономические материалисты»²⁷ и, таким образом, именно марксисты выполняют «критический завет» Белинского, видевшего в конце своей литературно-критической деятельности «последнюю инстанцию для критики... в историческом развитии общественных классов и классовых отношений»²⁸.

Статья о судьбах русской критики замыкает работа «Эстетическая теория Чернышевского», тоже остро полемическая по своему характеру. Одну из ее задач Плеханов видел в разоблачении той «свириной и нелепой неправды», которую говорили о Чернышевском и его диссертации «филлисты» чистого искусства и якобы философской критики»²⁹.

К их числу несомненно относились Скабичевский и Вольнский. По мнению первого из них, Чернышевский в своей диссертации «выказывает поразительное непонимание целей и значения искусства, полное отсутствие эстетической жилки, вследствие чего сбивается на совершенно ложный путь»³⁰. «Прочтите «Эстетические отношения искусства к действительности», — писал в свою очередь Вольнский, — это свод мертвящих критериев, целая программа войны против искусства... это самый скатый кодекс русского утилитаризма, самое яркое выражение начавшегося умственного декаданса»³¹.

Плеханов не оставил камня на камне от этих измышлений. «Диссертация Чернышевского, — писал он, — явилась дальнейшим развитием тех взглядов на искусство, к которым пришел Белинский в

последние годы своей литературной деятельности»³². Продолжая традицию дело Белинского, Чернышевский стремился дать эстетике твердое философское, научное основание. Такой основой был для него, по мнению Плеханова, материализм Фейербаха.

В материалистическом характере учения Чернышевского Плеханов увидел его главное достоинство. Излагая и комментируя взгляды Чернышевского на прекрасное, возвышенное, трагическое, на задачи искусства и т. д., он приходил к выводу, что диссертация — «в высшей степени серьезное и замечательное для своей эпохи произведение»³³. Особо выделил Плеханов гениальное открытие Чернышевского о зависимости эстетических вкусов и понятий людей от условий общественной жизни.

Будучи первой попыткой научного, марксистского анализа эстетических воззрений Чернышевского, статья Плеханова развенчивала народническую и декадентскую ложь о них и сыграла свою роль в борьбе за наследство революционеров-демократов.

В народнической литературе 90-х гг. и последующего времени работы Плеханова о Белинском и Чернышевском получили, естественно, отрицательную оценку. Н. К. Михайловский утверждал, что Каменский (под этим псевдонимом шли статьи Плеханова в «Новом слове») своими статьями о Белинском «воскрешает гегельянство»³⁴. П. Николаев объявлял безнадежной попытку Плеханова «представить Белинского предтечей экономического материализма»³⁵. В. Мякотин отвергал плехановскую трактовку «примирительного» периода в духовном развитии Белинского³⁶. Позже, касаясь плехановской концепции развития русской общественной мысли от 40-х до 90-х гг., анонимный рецензент «Русского богатства» ясно указал на то основное в ней, что было непримлемо для народников. Изображая след за Михайловским Плеханова закоренелым гегельянцем, готовым положить к ногам гегелевской диалектики всю историю умственного развития России, он писал: «Белинский, Герцен, Чернышевский — чем они были прежде всего? Конечно, людьми, прошедшими школу гегельянства, и уже одно это располагает в их пользу г. Плеханова, и располагает постольку, поскольку он слышит в них верных паладинов «диалектики». Затем начинается расценка с этой точки зрения всей нашей истории последних трех четвертей века <...> И по явным результатам всего этого: эпоха 70-х годов, ознаменовавшаяся глубоким идейным и общественным движением, оказывается каким-то провалом в нашей истории, — по крайней мере сам г. Плеханов от гегельянства 40-х и 60-х годов проводит через голову семидесятников прямую связующую линию к гегельянцам 80-х гг., т. е. к самому себе»³⁷.

Положение Плеханова о том, что развитие передовой философской мысли в России шло от Белинского и Чернышевского к марксизму, минуя «эпоху 70-х годов» с господством субъективной школы Михайловского и Лаврова, вызвавшее негодование народников, нашло подтверждение в трудах В. И. Ленина. «В философии Михайловский сделал шаг

назад от Чернышевского, величайшего представителя утопического социализма в России, — писал он в 1914 г. — Чернышевский был материалистом и смеялся до конца дней своих (т. е. до 80-х годов XIX века) над уступочками идеализму и мистике, которые делали модные «позитивисты» (кантианцы, махисты и т. п.). А Михайловский плелся именно за такими позитивистами»³⁸. С другой стороны, В. И. Ленин положительно оценил работы Плеханова, выясняющие соотношение между материалистическими традициями в русской философии и марксизмом. По его словам, «Плеханов в своей книге о Чернышевском вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса»³⁹.

Из сказанного, однако, не следует, что концепция соотношения революционно-демократического, народнического и марксистского этапов в развитии русской общественной мысли, изложенная в «Судьбах русской критики», свободна от ошибок. Они были, хотя и не там, где их искал упомянутый выше рецензент-народник. Плеханов был прав, отсекая «субъективную школу» от магистральной материалистической линии в развитии русской философии. Но спор вокруг наследства касался не только философии. Во всяком случае Н. К. Михайловский (возьмем фигуру наиболее крупную и яркую), говоря о своей верности традициям 60-х гг. и обвиняя марксистов в отказе от них, имел в виду не только ее. Он считал себя продолжателем главного принципа в деятельности демократов той эпохи: «Принцип этот — интересы освобожденного народа, иначе говоря, нужды и чаяния громадного большинства населения»⁴⁰, т. е. крестьянства. И в этом отношении его слова о верности наследству, как явствует из статьи В. И. Ленина «Народники» о Н. К. Михайловском» (1914)⁴¹, не были пустым звуком. (Отсюда и упреки в адрес «русских учеников», которые ставили во главу угла интересы пролетариата, пренебрегая тем самым, как ему казалось, интересами крестьянства). Исходя из этого критерия «политического добра и зла», Михайловский вел неустанную борьбу с различными антидемократическими тенденциями в литературе 70—90-х гг. (выступления против «Недели», В. Розанова, Р. Сементковского, П. Боборыкина, Н. Минского, А. Вольнского и др.). На этой же почве выросли его резкое неприятие — вполне в духе Белинского и Чернышевского — теорий «чистого искусства», защита, хотя и не последовательная, реализма. Эти — бесспорно положительные — моменты в позиции и деятельности Михайловского не были отмечены Плехановым ни в 90-е, ни в последующие годы⁴², что было, конечно,

¹⁷ Г. В. Плеханов. Соч., т. 10, с. 346. Сравните с этим характерное заявление Е. Соловьева: «Белинский не только глава русской критики, он нечто большее — он глава всей субъективной школы в социологии, которая до самого последнего времени господствовала у нас и на самом деле оказала немалые услуги нашему самознанию» и т. п. — В кн.: В. Г. Белинский в его письмах и сочинениях. Спб., 1898, с. 242.

¹⁸ «Русское богатство», 1897, № 11, отд. II, с. 112.

¹⁹ Там же, 1898, № 3, с. 152, 182.

²⁰ Г. В. Плеханов. Соч., т. 10, с. 326.

²¹ Там же, с. 348.

²² А. М. Скабичевский. Собр. соч. в 2-х т., т. I. Спб., 1890, с. 458.

²³ А. М. Скабичевский. История новейшей русской литературы. Спб., 1897, с. 57.

²⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. 10, с. 258.

²⁵ Там же, с. 349.

²⁶ Там же, с. 258.

²⁷ Там же, с. 302.

²⁸ Там же, с. 304.

²⁹ Там же, т. 6, с. 252.

³⁰ А. М. Скабичевский. История новейшей русской литературы, с. 66.

³¹ А. Л. Вольнский. Русские критики, с. 765.

³² Г. В. Плеханов. Соч., т. 6, с. 251.

³³ Там же, с. 289.

³⁴ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. 8, с. 688.

³⁵ «Русская мысль», 1897, № 10, с. 468.

³⁶ «Русское богатство», 1897, № 11, отд. II, с. 94—115.

³⁷ Там же, 1909, № 12, отд. II, с. 103—104.

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 335.

³⁹ Там же, т. 4, с. 259.

⁴⁰ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. 7, с. 333.

⁴¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 333—334.

⁴² Негодуя по поводу положительной статьи «Искры» о Михайловском (в связи с юбилеем 40-летия литературной деятельности последнего), Плеханов писал Ленину 13 марта 1901 г.: «Он был представителем литературного упадка... Будущему историку литературы стыдно будет за юбилей этого ничтожества» и т. п. Тогда же он собрался «разделать под орех» сборник «На славном посту», посвященный Михайловскому. (Ленинский сб., 3. М.—Л., 1925, с. 141, 157). Об одностороннем критическом отношении Плеханова к Михайловскому см. также: О. В. Аптекман, Г. В. Плеханов. Из личных воспоминаний. Л., 1924, с. 64.

отклонением от правды — истины и правды — справедливости. В исторической ретроспективе и в свете ленинской оценки народничества и Михайловского («От какого наследства мы отказываемся?», «Народники о Н. К. Михайловском» и др.) это очевидно.

При всем том «Судьбы русской критики» — заме-

Дагестанский
государственный университет

М. С. Томоев К ОЦЕНКЕ НЕКОТОРЫХ ВОПРОСОВ И ФАКТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕРСКО-ДАГЕСТАНСКОГО КОМИТЕТА РСДРП

Правильное объективное изложение истории образования и деятельности Терско-Дагестанского комитета РСДРП, особенно ее начального этапа (1904—1905 гг.), имеет весьма важное значение для марксистско-ленинской оценки целого ряда событий и фактов, относящихся к тому периоду первой русской революции, когда она шла в гору, ширилась и развивалась, захватывая и вовлекая в свой бурный водоворот после столицы и центральных губерний широкие массы рабочих и крестьян национальных окраин Российской империи.

Однако при восстановлении истории возникновения и деятельности Терско-Дагестанского комитета РСДРП возникают определенные трудности. Во-первых, архивный фонд ТДК РСДРП не дошел до нас, и, во-вторых, мемуарная литература современников, имеющаяся в нашем распоряжении, также не дает ответа на многие вопросы, не раскрывает внутреннюю борьбу в составе ТДК, не конкретизирует его состав по фракциям, не показывает взгляды тех или иных его деятелей по различным вопросам революции. Авторы этих мемуаров — С. Такоев, М. Кольбус и другие, сами бывшие меньшевики, не были заинтересованы в раскрытии внутренних разногласий между большевиками и меньшевиками в составе Терско-Дагестанского комитета и потому обошли их молчанием.

Эти обстоятельства приводили и приводят некоторых исследователей к неправильной трактовке истории ТДК РСДРП и ошибочным выводам. Во-первых, период 1904—1905 гг. в деятельности Терско-Дагестанского комитета РСДРП освещается с точки зрения «единого потока», без всяких конфликтов и противоречий; во-вторых, в ряде случаев умалчивается о том, что печатный орган ТДК РСДРП — «Искра» — являлся меньшевистской газетой; в-третьих, в большинстве случаев не предпринимаются серьезные попытки теоретического анализа позиций и взглядов руководящих деятелей ТДК РСДРП по важнейшим вопросам стратегии и тактики социал-демократов в революции 1905—1907 гг.; в-четвертых, допускается явная идеализация отдельных руководящих деятелей ТДК РСДРП. Указанные ошибки были характерны для литера-

турное произведение ранней марксистской публицистики, давшее в целом правильные ответы на вопросы о том, «от какого наследства мы отказываемся» и «какое наследство мы принимаем», и сыгравшее положительную роль в борьбе «русских ученых» за наследие революционных демократов.

Поступила
12 декабря 1974 г.

туры 20-х гг.¹ К сожалению, они имеют место и в работах последних лет. В частности, в некоторых очерках и статьях непомерно идеализируется и восхваляется один из лидеров осетинских меньшевиков в дооктябрьский период Г. Дзасохов. При этом в некоторых работах он из меньшевика был даже превращен в «старого большевика»². Эту досадную ошибку подхватили затем другие исследователи и стали «развивать» ее дальше, характеризуя Г. Дзасохова как «несомненного марксиста», как человека, который якобы «в толковании и пропаганде важнейших проблем революционной теории и практики руководствовался основополагающими положениями марксизма», как одного из лучших «знатоков национальной вопроса», который «руководствовался тактикой большевиков, пропагандируя и отстаивая ее в борьбе с тактикой меньшевиков». По их мнению, в частности по утверждению Х. Булацева, «Гито Дзасохов был и остается в дореволюционной осетинской культуре крупнейшей фигурой», «одним из крупнейших на Северном Кавказе революционеров»³ и т. д. Недопустимая идеализация литературного наследия и общественной деятельности Г. Дзасохова не имела бы места, если бы отдельные исследователи глубоко изучили сложную историческую обстановку и разобрались в ней.

Остановимся кратко на истории образования Терско-Дагестанского комитета.

К весне 1904 г. социал-демократические кружки имелись не только в городах Терской области и Дагестана, но и в более крупных селах края. Так, в Осетии они имелись в селах Батакоюрт, Заманкул, Христиановское, Ардон, Алагир, Эльхотово, Хумалаг, Хидикус, Даллаг-Кау, Ногкау, в станицах Николаевской и Змейской и др. Говоря о Дигории (западной части Осетии), С. Такоев отмечал, что там «наши кружки охватили почти все села, они росли количественно и качественно. И к лету

¹ С. А. Такоев. К истории революционного движения на Терек. — «Известия СОННИИ», т. 2, 1926; М. Кольбус. Революционное движение в Терской области. — В кн.: Владикавказ в октябрьские дни. Владикавказ, 1926; Н. Л. Явневский. Гражданская борьба на Северном Кавказе, т. 1. Ростов и/Д. 1927; его же. Пятый год на Северном Кавказе. Ростов и/Д. 1930.

Кроме мемуарной литературы этими недостатками страдают также статьи: Х. Булацев. Гито Дзасохов. — «Советская Осетия», 1966, № 28—29; его же. Гито Дзасохов. — «Октябрь», 1967, № 6; А. Г. Басиева, Х. Булацев. Гито Дзасохов. — «Известия СОННИИ», т. 26, 1966.

² См.: По ленинскому пути. Партийная организация Караево-Черкесии в борьбе за коммунизм. Черкеск, 1963, с. 45. ³ Х. Булацев. Гито Дзасохов. — «Советская Осетия», 1966, № 28—29; его же. Гито Дзасохов. — «Октябрь», 1967, № 6, с. 205; его же. Незнание не есть аргумент. — «Социалистическая Осетия», 1968, 20 октября.

1904 года мы там считали себя массовой партией, приступили даже к революционному смещению правительственных старшин». Такое же положение к этому времени было в Грозном и Дагестане. Вскоре встал вопрос об объединении всех этих кружков в один союз, и тогда же, в 1904 г., все социал-демократические организации на Терке и в Дагестане объединились и образовали Терско-Дагестанский союз РСДРП во главе с Терско-Дагестанским комитетом. В состав этого союза вошли Владикавказская, Грозненская, Минераловодческая, Петровская, Дербентская, Кизлярская и Темирханшуринская организации. Руководство в Терско-Дагестанском комитете РСДРП с первых дней оказалось в руках меньшевиков, лидерами которых являлись Ахмет Цаликов, Симон Такоев, Гито Дзасохов, Николай Гатуев, М. Кольбус, Б. Лаврова и др. До приезда во Владикавказ в начале 1906 г. Ноя Буачидзе они безраздельно господствовали в Терско-Дагестанском комитете.

Лидеры Владикавказской социал-демократической организации, стоявшие на меньшевистских позициях, не подчинились решениям III партийного съезда. Последовательно большевистскую позицию заняла грозненская социал-демократическая организация, в рядах которой тогда работали такие стойкие профессионалы-революционеры, как И. Филатов, А. Фельдман, С. Бирюков, И. Соколов, С. Старжинский, И. Солонин, И. Пушков, К. Дьяков, П. Беднов, И. Луговник, К. Петребенко, Д. Раздорский, И. Авакимов и др.⁴

Позиция меньшевиков привела к размежеванию большевиков и меньшевиков внутри социал-демократических организаций Терка и Дагестана. Грозненская организация РСДРП в знак протеста против меньшевистского руководства Терско-Дагестанского комитета вышла из его состава, следуя призыву В. И. Ленина «порвать с меньшевиками как можно *попнее*, скорее, определеннее (открыто, публично)»⁵.

В резолюции грозненской парторганизации, принятой 17 июня 1905 г., по поводу ее выхода из ТДК говорилось: «Принимая во внимание, что Терско-Дагестанский комитет — организация отколовшейся части партии, — грозненская группа, признавая III съезд партийным съездом, выходит из состава Терско-Дагестанского комитета и желает работать или самостоятельно, или же под руководством партийной организации»⁶.

Большевики упорно и настойчиво добивались проведения в жизнь решений III съезда партии. Выход грозненской парторганизации и некоторых дагестанских групп РСДРП⁷ из ТДК значительно усилил влияние большевиков на социал-демократические группы и кружки на местах.

Пронсшедшее размежевание явилось свидетельством той острой борьбы, которая велась между большевиками и меньшевиками в социал-демократических организациях Терка и всего Северного Кавказа и еще больше обострилась после Манифеста 17 октября 1905 г.

⁴ С. Такоев. Указ. соч., с. 315.

⁵ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. 1. Грозный, 1967, с. 173.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, с. 167.

⁷ Цит. по кн.: Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. 1, с. 173.

⁸ История Дагестана, т. 2. М., 1968, с. 229.

Что же произошло дальше в организационной структуре ТДК? Как известно, в соответствии с решениями Первой (Таммерфорской) конференции РСДРП, IV съезда РСДРП и четвертой конференции Кавказского Союза РСДРП по вопросу о восстановлении единства партии грозненская группа летом 1906 г. снова вошла в состав ТДК РСДРП.

Тогда же, летом 1906 г., состоялась вторая конференция Терско-Дагестанского комитета РСДРП, на которой присутствовали делегаты от социал-демократических организаций Грозного, Владикавказа, Моздока, Кизляра, Пятигорска, Петровска и Дербента. В соответствии с ее решениями Терско-Дагестанский комитет был преобразован в союз, что давало возможность входящим в его состав организациям, получившим наименование комитетов, «быть более самостоятельными в своей практической деятельности на местах»⁸.

Таким образом, в деятельности Терско-Дагестанского комитета в ходе первой русской революции следует различать два периода: первый — с момента его образования и до конца 1905 г., когда фракция меньшевиков в ТДК была господствующей и занимала руководящее положение, и второй — с начала 1906 г., когда во Владикавказ приехал социал-демократ, ленинец Ной Буачидзе вместе с Н. Д. Кикнадзе и в связи с этим в Терско-Дагестанском комитете (союзе) усилилась и окрепла большевистская фракция. Следует заметить, что начавшаяся политическая реакция вскоре нанесла чувствительные удары всем революционным организациям, и прежде всего большевистским. В ходе отступления революции большевистские и другие массовые революционные организации понесли тяжелые потери. Вскоре прекратил свое существование и Терско-Дагестанский комитет РСДРП.

Деятельность ТДК РСДРП первого периода в имеющейся исторической литературе наиболее правильно и объективно освещена в работе С. Дзитоева⁹. Определяя политическое лицо Терско-Дагестанского комитета РСДРП, С. Дзитоев правильно пишет, что «в целом союз был меньшевистской организацией, но в нем мы видим целый ряд большевиков, ведущих борьбу с меньшевиками. Из наиболее активных большевиков нужно назвать Ноя Буачидзе, Я. Бермана, Степко (Н. Д. Кикнадзе), из меньшевиков — Ахм. Цаликова, Гито Дзасохова, С. Такоева, Н. Гатуева, Б. Н. Лаврову, М. Кольбус, С. Рамишвили...»¹⁰ Следует уточнить, что в состав большевистской фракции, которая в первое время была крайне слабой, до 1906 г. от большевиков входили: С. Левитин, Я. Берман, О. Семин, Порфирий (Горняк), Митрофан и др.¹¹

Меньшевики, став у руководства ТДК РСДРП, оказали дезорганизующее и деморализующее влияние на ход революционных выступлений трудящихся края.

Представляет интерес вопрос о партийно-политическом лице печатного органа ТДК газеты «Искра».

⁹ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. 1, с. 186.

¹⁰ С. Дзитоев. Краткий очерк революции 1905 г. в Северной Осетии. — «Известия СОННИИ», т. 8, ч. 1, 1934.

¹¹ Там же, с. 48.

¹² До сих пор пока не удалось раскрыть настоящие фамилии тех, кто скрывался за партийными прозвищами Горняк (Порфирий) и Митрофан. (Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации. Орджоникидзе, 1969, с. 14, 20).